

Опыт создания условий воспитания и развития личности

Сергей Сошинский

ИСТОРИЯ АУТИЧНОГО РЕБЕНКА*

Начало

Потрясение от изменения привычного уклада

Важен был первый месяц, даже две недели. Решалось: привьется ли Андрюша в нашем доме? Удастся ли ему и здесь отстоять свой аутизм? В его доме все было наполнено знаками, символами, сигналами, с которыми была сцеплена его личность, равно как и его болезнь. Как бы ни был Андрюша равнодушен к уходу от нас его родителей, изменение привычного уклада было потрясением, хотя и за порогом сознания. Старая жизнь теряла устойчивость, новая – была угрозой. Но и его болезнь в ее психологических, не органических формах также теряла устойчивость. Аутизм мне представляется болезнью, острием бьющей по ребенку, возможно, имеющей в нем органическую подоснову, и все же – болезнью семьи. Не обязательно это холодность матери, не обязательно вина родителей, скорее, беда, но болезнь адаптирована к семье, а семья – к болезни. Существуют «семейные резонансы»: поведение одних членов семьи провоцирует поведение других и наоборот. Возникают замкнутые круги психологии недуга. Возникает, используя термин о. Анатолия Гармаева, психопатический круг семьи. Оказавшись у нас, Андрюша не мог действовать иначе как отстаивать себя: пытаться и в нашу семью внести порочный круг, утвердить и здесь свой единственный способ жизни.

Примем ли мы его с его аутизмом?

Примем ли мы его вместе с его аутистическими стереотипами? Отвергнем ли стереотипы вместе с са-

* Продолжение. Начало: Развитие личности. 2006. № 1. С. 162–172; № 2. С. 177–189.

мим Андрюшей, то есть сломаем его, сами того не желая? Или сумеем принять ребенка и в то же время отвергнуть его болезнь? Здесь важны не только наши намерения, но и то, как поймет, увидит, воспримет все происходящее сам Андрюша. Сумеем ли мы отделить в нашей жизни ребенка от его болезни, и поймет ли это он сам? Трудность в том, что мы должны были отделять его от чего-то глубоко интимного ему, охватившего его личность и подменявшего личность, и это не могло восприниматься им иначе как покушение на него самого, на его способность жить.

Начал с бунта

Андрюша начал с бунта. Он отказался есть нашу еду. Отказ был в тех формах, которые были ему свойственны: визг «не-е-ет!», прыгание, убежание в коридор... Его не заставляли. С ним вели себя предельно ласково, спокойно, дружелюбно, ничем не показывая своего недовольства, но завтра опять дали ту еду, которая была, которую ели все (она была простой, даже примитивной). Опять отказ. Но он не мог не видеть, что все именно ее и едят. Длилось это дня два или три. Вначале отказался и воду пить, требовал сок. Но уже на завтра воду пил, через три дня и кашу ел, требуя еще. Есть он мог больше, чем другие дети. Но часто, по нескольку раз во время каждой еды, вспыхивали частичные бунты. Дают конфету не ту, котлету разломил ложкой на куски, чтобы не кусал от целой, а он болезненно это воспринимает. Дают суп, а он хотел второе, дают второе, а он думает, что этим его лишают яблока, просто посадили не на тот стул, дали чашку «не того цвета», дали компот «не того цвета», в чае – чайники, в компоте – ягоды, – и вот визг. Андрюша сидит под столом или, выбежав на середину кухни, «пляшет» некий «ритуальный танец» протеста. Он прыгает то на одной, то на другой ноге, в определенном порядке машет руками, делает какие-то странные телодвижения, разевает рот и бесслезно вопит...

Первый шаг к принятию нашего дома

Но, решившись есть нашу еду и сев со всеми детьми за стол, он сделал первый шаг к принятию нашего дома. Сидеть за общим столом он мог и у себя, но там он и за столом оставался «особым ребенком», вокруг которого была «особая» аура, и в любой момент мог начать себя «особо» вести. А здесь, правда, только в этом конкретном пункте – общего застолья, он подчинился общим требованиям, принял их. Он мог выскочить, завывать, убежать от стола. Но потом все равно должен был вернуться и сесть рядом со всеми.

Форма протеста потеряла смысл

Недели через две отпала и ритуальная пляска протеста. Она просто ни к чему не вела. Да и плясать раз-

решалось в ванной, в одиночестве, а не в кухне. «Пляской» не удавалось добиться ни «особой» еды, ни изменения требований, ни того, чтобы его оставили в покое. Отпала она следующим образом. Однажды за обедом чем-то недовольный Андрюша выскочил из-за стола, встал в свою характерную позу начала пляски, открыл рот, чтобы кричать, и вдруг что-то изменилось в его лице. Вместо крика он тихо замычал, вместо пляски медленно (как в замедленном кино) совершил несколько ритуальных движений... Вдруг, не закончив движения, остановился, замолчал, постоял несколько секунд с поднятыми руками, потом пошел, сел на свое место за столом и стал есть как ни в чем не бывало. Все выглядело удивительно комично. «Пляска» потеряла смысл.

Протест против жизни

Протестовал болезненным воплем Андрюша часто. Но это не был протест, обращенный к кому-то, такой протест был бы общением. Это был протест против самой жизни, в которой случилось несчастье: дали не ту еду или яблоко не очистили от кожуры. Это было, скорее, «состояние протеста», вроде того, которое бывает у маленьких детей, пребывающих внутри собственного крика. Тогда Наташа бежала за Андрюшей, закрывала ему рот ладонью, безболезненно, но неудобно для него мешая его крику, говоря: «Нельзя кричать! А кричать можно? Нельзя!», и эта борьба могла длиться полчаса подряд. Или его просто отводили в ванную: кричать можно только в ванной, не в кухне, не в комнате. Когда кончишь кричать, приходи обедать дальше. И он так привык к этому, что спустя некоторое время, когда ему хотелось вопить, он выскакивал из-за стола, сам бежал в ванную комнату и, открывая дверь, издавал свой первый вопль...

Откричавшись, приходил, точно ничего и не было. «Ну, пришел? – говорили ему. – Садись кушать кашу».

Завоевание доверия

И в этот же период, как уже говорилось, Наташа завоевывала доверие ребенка (да и я старался тоже), против воли его ласкала (холдинг-терапия), пыталась с ним играть, одевала, гуляла, успокаивала, когда ему было трудно, вела себя с ним ровно, как и со всеми детьми. И требовала от Андрюши исполнения тех правил быта, которые он мог исполнить. Принцип здесь тот, чтобы никаким криком, протестом, бунтом Андрюша не мог выпасть из простейшего, доступного ему ритма жизни, и в то же время с очевидностью видел, что его здесь любят и справедливы с ним и с другими детьми. Реально же ему уделялось внимания больше, чем другим, ведь он больше в нем нуждался.

Вместе с детьми и как дети, он должен был есть, вместе с детьми и как дети, гулять. Ему предлагали присутствовать при различных манипуляциях с елкой (например, по требованию «зажгись!» лампы вспыхивали, «погасни!» – угасали), участвовать в детских праздниках, хороводах (откуда он пытался уползти на четвереньках) и т. п. Каждый день с ним занимались речью и освоением простейших бытовых навыков. И ему приходилось невероятное для него количество времени общаться, хотя бы пассивно, терпеть, присутствовать при общении с ним, в том числе детей, что для аутистов особенно трудно.

Смирение с новым образом жизни

Первый месяц показал, что Андрюша *смирился* с необходимостью нового образа жизни. Он смирился, как смиряется мешок, когда его кто-то переставляет с места на место. Но ситуации, в которых вынужден был находиться Андрюша, в большинстве своем были для него психологически сложны, некомфортны и в значительной мере непонятны. Присутствуя в них внешне, он отсутствовал внутренне. Его сознание почти всегда было неизвестно где.

И все же новые навыки входили в него, и мы надеялись, что они когда-нибудь начнут в нем работать. В том числе навыки речи (не жестов), необходимости участия в простейших детских развлечениях вроде катания на ледянке с горки, процедуры одевания, в каких-то случаях вступать в общение с Леной, Женей, Катей. Мы надеялись, что эти навыки социальности в конце концов проявятся в Андрюше. Пройдет еще года два, и он начнет скучать в отсутствие детей, тяготиться с одиночеством.

Установились неотторгающие отношения

За месяц установились неотторгающие отношения с Наташей, отчасти со мной. Он уже хотел, чтобы вечером перед сном Наташа сидела у его постели и что-то говорила ему (может быть, не всегда ему понятное). Приручение началось. Еще пройдет больше года, и однажды вечером (01.03.2000 г.), когда Наташа будет укладывать Андрюшу спать, он скажет, коверкая слова: «Бабука... я... тебя... люблю».

Из дневника:
Найти момент,
чтобы достучаться

18.01.1999 г. Наташа говорит: «Я работаю с Андрюшей, пока он голоден. Моя задача не откормить его, а научить говорить и общаться. Когда он сыт, я не добьюсь от него ничего, когда хочет есть, с ним можно работать. Ест он достаточно, в три раза больше Жени. А поев, – всем доволен, и до него не достучишься».

«Больно быть человеком»

20.01.1999 г. Наташа видит в Андрюше «синдром Снежной Королевы». Каю попал в сердце осколок зеркала Снежной Королевы, и сердце оледенело. В ее

дворце Кай перекладывал ледяные кристаллы, и когда подошла к нему Герда, он сказал: «Не мешай! Ты разобьешь их!» И только когда слеза Герды обожгла и растопила его сердце, он воскликнул: «Как больно!» – и узнал девочку.

Больно быть человеком, легче и свободнее им не быть*.

Из бесконечной дали

21.01.1999 г. Ребенок до месяца пребывает в бесконечной дали и затем приближается к нам. Я это отчетливо увидел на сыне. Сперва гримаски новорожденного, плач – не плач, улыбки – не улыбки. Вдруг на этом фоне возникло удивленное внимание на меня, взгляды как во что-то бесконечно удаленное, но знакомое, родное. Затем – как будто бы приближение из этого далека, ближе, ближе, уже засветилась робкая, младенческая улыбка, и вот уже узнавание, радость, контакт. Ему было около месяца, и все это заняло дня два. У меня было именно поразительное ощущение, что он приближается из своей бесконечной удаленности и начинает видеть что-то вдали.

Нечто похожее промелькнуло в Андрюше. Он сидел на полу и перекладывал без ясной цели кубики. Я позвал его, окликнул громче, он поднял взгляд, внимательный и отрешенный одновременно. Большими зрачками посмотрел на меня, как на какую-то вещь, и, все для себя выяснив, вернулся к своему занятию.

Мгновение
сердечного
контакта

Я вновь позвал, но теперь уже так, как зовут младенцев: «Агу-у!» – именно так, как если бы обращался к двух- или шестимесячному. И как двух- или пятимесячный, Андрюша оторвался от кубиков, посмотрел на меня, но уже не отрешенно, как на вещь, а именно так, как это делают младенцы: вышел на контакт глазами, улыбнулся, и, *неумело* складывая губы, повторил: «А-у! А-у!» Это было мгновение сердечного контакта. Секунда, и он оборвался, его не стало.

Мне хотелось его продлить, возобновить, углубить. Я попросил дать мне кубик и рукой объяснил слова.

«Не-е-ет!» – закричал Андрюша пронзительным, максимально неприятным голосом.

* Как уже говорилось, Андрюша никогда не плакал, но, разинув рот, выл, кричал. Глаза его оставались сухими. Может показаться поразительным, но когда он впервые (через несколько месяцев) заплакал, Наташа была счастлива: Андрюша становится человеком. Вспомним также, как высоко ценится в православии дар слез! Пусть не возражают, что о других слезах речь. О других. Но в обоих случаях слезы означают открывшееся сердце.

«Дай, пожалуйста! Я тебе отдам! Ведь мы с тобой дружим», – продолжал настаивать я.

«Не-е-ет!» – и он замахал руками, искривил рот, протестуя, *отталкивая* от себя ситуацию контакта. Чтобы не допустить контакт, вскочил, убежал: оставьте меня! Не нужны вы мне! Я вас не трогаю, и от вас нужно, чтобы покормили и оставили в покое...

22.01.1999 г. Образ Андрюши: свеча, которая почему-то не горит. Когда вглядываешься в его вялое внутреннее существование, ощущаешь: то, чего здесь не хватает, это *огонь*. Свечу не зажгли: может быть, фитиль был скрыт воском, и надо его сперва растопить. Может быть, в фитиль попали крупинки соли, что затрудняло загорание.

А есть ли сам фитиль? Есть, конечно: это душа ребенка. Огонь – это любовь. Нет именно огня. Что-то затруднило загорание.

(Окончание следует)

Свеча, которая не горит...

